

Любовные элегии

КНИГА ПЕРВАЯ

I

- Важным стихом я хотел войну и горячие битвы
Изобразить, применив с темой согласный размер:
С первым стихом был равен второй. Купидон рассмеялся
И, говорят, у стиха тайно похитил стопу.
- 5 «Кто же такие права тебе дал над стихами, злой мальчик?
Ты не вожатый певцов, спутники мы Пиэрид.
Что, если б меч Венера взяла белокурой Минервы,
А белокурая вдруг факел Минерва зажгла?
Кто же нагорных лесов назовет госпожою Цереру
- 10 Или признает в полях девственной лучницы власть?
Кто же метанью копья обучать пышнокудрого стал бы
Феба? Не будет бряцать лирой Аонии Марс!
Мальчик, и так ты могуч, и так велико твое царство, —
Честолюбивый, зачем новых ты ищешь забот?
- 15 Или ты всем завладел — Геликоном, Темпейской долиной?
Иль не хозяин уж Феб собственной лиры своей?
Только лишь с первым стихом возникала новая книга,
Как обрывал Купидон тотчас мой лучший порыв.
Нет для легких стихов у меня подходящих предметов:
- 20 Юноши, девушки нет с пышным убором волос», —
Так я пенял, а меж тем открыл он колчан и мгновенно
Мне на погибель извлек острые стрелы свои.
Взял свой изогнутый лук, тетиву натянул на колене:
«Вот, — сказал он, — поэт, тема для песен твоих!»
- 25 Горе мне! Были, увы, те стрелы у мальчика метки.
Я запылал — и в груди царствует ныне Амур.
Пусть шестистопному вслед стиху идет пятистопный.

Брани, прощайте! И ты, их воспевающий стих!
Взросшим у влаги венчай золотистую голову миртом,
30 Муза, — в двустишьях твоих будет одиннадцать стоп.

II

Я не пойму, отчего и постель мне кажется жесткой
И одеяло мое на пол с кровати скользит?
И почему во всю долгую ночь я сном не забылся?
И отчего изнемог, кости болят почему?
5 Не удивлялся бы я, будь нежным взволнован я чувством...
Или, подкравшись, любовь тайно мне козни творит?
Да, несомненно: впились мне в сердце точеные стрелы
И в покоренной груди правит жестокий Амур.
Сдаться ему иль борьбой разжигать нежданное пламя?..
10 Сдамся: поклажа легка, если не давит плечо.
Я замечал, что пламя сильнее, коль факел колеблешь, —
А перестань колебать — и замирает огонь.
Чаще стегают быков молодых, ярму не покорных,
Нежели тех, что бразду в поле охотно ведут.
15 С норовом конь, — так его удилами тугими смиряют;
Если же рвется он в бой, строгой не знает узды.
Так же Амур: сильнее и свирепей он гонит строптивых,
Нежели тех, кто всегда служит покорно ему.
Я признаюсь: я новой твоей оказался добычей,
20 Я побежден, я к тебе руки простер, Купидон.
Незачем нам враждовать, я мира прошу и прощенья, —
Честь ли с оружием твоим взять безоружного в плен?
Миртом чело увенчай, запряги голубей материнских,
А колесницу под стать отчим воинственный даст.
25 На колеснице его — триумфатор — при кликах народа
Будешь стоять и легко править упряжкой птиц.
Юношей пленных вослед поведут и девушек пленных,
Справишь торжественно ты великолепный триумф.
Жертва последняя, сам с моей недавнею раной
30 Новые цепи свои пленной душой понесу.
За спину руки загнув, повлекут за тобой Благодравье,
Скромность и всех, кто ведет с войском Амура борьбу.

Все устроятся тебя, и, руки к тебе простирая,
Громко толпа запоет: «Слава! Ио! Торжествуй!»
35 Рядом с тобой Соблазны пойдут, Заблуждение, Буйство, —
Где бы ты ни был, всегда эта ватага с тобой.
Ты и людей и богов покоряешь с таким ополчением.
Ты без содействия их вовсе окажешься гол.
Мать с олимпийских высот тебе, триумфатору, будет
40 Рукоплескать, на тебя розы кидать, веселясь.
Будут и крылья твои, и кудри гореть в самоцветах,
Сам золотой, полетишь на золоченой оси.
Многих еще по дороге спалишь — тебя ли не знаю!
Едучи мимо, ты ран много еще нанесешь.
45 Если бы даже хотел, удержать ты стрелы не в силах:
Если не самый огонь, близость его — обожжет.
Схож с тобою был Вакх, покорявший земли у Ганга:
Голуби возят тебя — тигры возили его.
Но коль участвую я в божественном ныне триумфе,
50 Коль побежден я тобой, будь покровителем мне!
Великодушен — смотри! — в боях твой родственник
Цезарь,
Победоносной рукой он побежденных хранит.

V

Жарко было в тот день, а время уж близилось к полдню.
Поразморило меня, и на постель я прилег.
Ставня одна лишь закрыта была, другая — открыта,
Так что была полутень в комнате, словно в лесу, —
5 Мягкий, мерцающий свет, как в час перед самым закатом
Иль когда ночь отошла, но не возник еще день.
Кстати такой полумрак для девушек скромного нрава,
В нем их опасливый стыд нужный находит приют.
Тут Коринна вошла в распоясанной легкой рубашке,
10 По белоснежным плечам пряди спадали волос.
В спальню входила такой, по преданию, Семирамида
Или Лаида, любовь знавшая многих мужей...
Легкую ткань я сорвал, хоть, тонкая, мало мешала, —
Скромница из-за нее все же боролась со мной.

- 15 Только сражалась, как те, кто своей не желает победы,
Вскоре, себе изменив, другу сдалась без труда.
И показалась она перед взором моим обнаженной...
Мне в безупречной красе тело явилось ее.
Что я за плечи ласкал! К каким я рукам прикасался!
- 20 Как были груди полны — только б их страстно сжимать!
Как был гладок живот под ее совершенною грудью!
Стан так пышен и прям, юное крепко бедро!
Стоит ли перечислять?... Всё было восторга достойно.
Тело нагое ее я к своему прижимал...
- 25 Прочее знает любой... Уснули усталые вместе...
О, проходили бы так чаще полудни мои!

VI

Слушай, привратник, — увы! — позорной прикованный
цепью!

- Выдвинь засов, отвори эту упрямую дверь!
Многого я не прошу: проход лишь узенький сделай,
Чтобы я боком пролезть в полуоткрытую мог.
- 5 Я ведь от долгой любви исхудал, и это мне кстати, —
Вовсе я тоненьким стал, в щелку легко проскользну...
Учит любовь обходить дозор сторожей потихоньку
И без препятствий ведет легкие ноги мои.
Раньше боялся и я темноты, пустых привидений,
- 10 Я удивлялся, что в ночь храбро идет человек.
Мне усмехнулись в лицо Купидон и мать Венера,
Молвили полушутя: «Станешь отважен и ты!»
Я полюбил — и уже ни призраков, реющих ночью,
Не опасаясь, ни рук, жизни грозящих моей.
- 15 Нет, я боюсь лишь тебя и льщу лишь тебе, лежебока!
Молнию держишь в руках, можешь меня поразить.
Выгляни, дверь отомкни, — тогда ты увидишь, жестокий:
Стала уж мокрою дверь, столько я выплакал слез.
Вспомни: когда ты дрожал, без рубахи, бича ожидая,
- 20 Я ведь тебя защищал перед твоей госпожой.
Милость в тот памятный день заслужили тебе
мои просьбы, —

Что же — о низость! — ко мне нынче не милостив ты?
Долг благодарности мне возврати! Ты и хочешь

и можешь, —

- Время ночное бежит, — выдвинь у двери засов!
25 Выдвинь!.. Желаю тебе когда-нибудь сбросить оковы
И перестать наконец хлеб свой невольничий есть.
Нет, ты не слушаешь просьб... Ты сам из железа,

привратник!..

- Дверь на дубовых столбах очоченной висит.
С крепким запором врата городам осажденным полезны, —
30 Но опасаться врагов надо ли в мирные дни?
Как ты поступишь с врагом, коль так влюбленного
гонишь?

- Время ночное бежит, — выдвинь у двери засов!
Я подошел без солдат, без оружия... один... но не вовсе:
Знай, что гневливый Амур рядом со мною стоит.
35 Если б я даже хотел, его отстранить я не в силах, —
Легче было бы мне с телом расстаться своим.
Стало быть, здесь один лишь Амур со мною, да легкий
Хмель в голове, да венок, сбившийся с мокрых кудрей.
Страшно ль оружие мое? Кто на битву со мною не выйдет?

- 40 Время ночное бежит, — выдвинь у двери засов!
Или ты дремлешь и сон, помеха влюбленным, кидает
На ветер речи мои, слух миновавшие твой?
Помню, в глубокую ночь, когда я, бывало, старался
Скрыться от взоров твоих, ты никогда не дремал...
45 Может быть, нынче с тобой и твоя поживает подруга?
Ах! Насколько ж твой рок рока милей моего!

- Мне бы удачу твою, — и готов я надеть твои цепи...
Время ночное бежит, — выдвинь у двери засов!
Или мне чудится?.. Дверь на своих вереях повернулась...
50 Дрогнули створы, и мне скрип их пророчит успех?..
Нет... Я ошибся... На дверь налетело дыхание ветра...
Горе мне! Как далеко ветер надежды унес!
Если еще ты, Борей, похищение Орифии помнишь, —
О, появись и подуй, двери глухие взломай!
55 В Риме кругом тишина... Сверкая хрустальной росой,
Время ночное бежит, — выдвинь у двери засов!

- Или с мечом и огнем, которым пылает мой факел,
Переступлю, не спросясь, этот надменный порог!
Ночь, любовь и вино терпенью не очень-то учат:
60 Ночи стыдливость чужда, Вакху с Амуром — боязнь.
Средства я все истощил, но тебя ни мольбы, ни угрозы
Все же не тронули... Сам глуше ты двери глухой!
Нет, порог охранять подобает тебе не прекрасной
Женщины, — быть бы тебе сторожем мрачной тюрьмы!..
65 Вот уж денница встает и воздух смягчает морозный,
Бедных к обычным трудам вновь призывает петух.
Что ж, мой несчастный венок! С кудрей безрадостных
сорван,
У неприятных дверей здесь до рассвета лежи!
Тут на пороге тебя госпожа поутру заметит, —
70 Будешь свидетелем ты, как я провел эту ночь...
Ладно, привратник, прощай!.. Тебе бы терпеть мои муки!
Соня, любовника в дом не пропустивший, — прощай!
Будьте здоровы и вы, порог, столбы и затворы
Крепкие, — сами рабы хуже цепного раба!

VII

- Если ты вправду мой друг, в кандалы заключи по заслугам
Руки мои — пока буйный порыв мой остыл.
В буйном порыве своем на любимую руку я поднял,
Милая плачет, моей жертва безумной руки.
5 Мог я в тот миг оскорбить и родителей нежно любимых,
Мог я удар нанести даже кумирам богов.
Что же? Разве Аянт, владевший щитом семислойным,
Не уложил, изловив, скот на просторном лугу?
Разве злосчастный Орест, за родителя матери мстивший,
10 Меч не решился поднять на сокровенных богинь?
Я же посмел растрепать дерзновенно прическу любимой, —
Но, и прически лишась, хуже не стала она.
Столь же прелестна!.. Такой, по преданью, по склонам
Менала
Дева, Схенеева дочь, с луком за дичью гналась;
15 Или критянка, когда паруса и обеты Тесея

Нот уносил, распустив волосы, слезы лила;
Или Кассандра (у той хоть и были священные ленты)
Наземь простерлась такой в храме, Минерва, твоём.
Кто мне не скажет теперь: «Сумасшедший!», не скажет мне:
«Варвар!»?

- 20 Но промолчала она: ужас уста ей сковал.
Лишь побледневшим лицом безмолвно меня упрекала,
 Был я слезами ее и без речей обвинен.
Я поначалу хотел, чтоб руки от плеч отвалились:
 «Лучше, — я думал, — лишусь части себя самого!»
25 Да, себе лишь в ущерб я к силе прибег безрассудной,
 Я, не сдержав свой порыв, только себя наказал.
Вы мне нужны ли теперь, служанки злодейств и убийства?
 Руки, в оковы скорей! Вы заслужили оков.
Если б последнего я из плебеев ударил, понес бы
30 Кару, — иль более прав над госпожой у меня?
Памятен стал Диомед преступленьем тягчайшим: богине
 Первым удар он нанес, стал я сегодня — вторым.
Все ж он не столь виноват: я свою дорогую ударил,
 Хоть говорил, что люблю, — тот же взбешен был
врагом.

- 35 Что ж, победитель, теперь готовься ты к пышным
триумфам!

- Лавром чело увенчай, жертвой Юпитера чти!..
Пусть восклицает толпа, провожая твою колесницу:
 «Славься, доблестный муж: женщину ты одолел!»
Пусть, распустив волоса, впереди твоя жертва влачится,
40 Скорбная, с бледным лицом, если б не кровь на
щеках...

- Лучше бы губкам ее посинеть под моими губами,
 Лучше б на шее носить зуба игривого знак!
И, наконец, если я бушевал, как поток разъяренный,
 И оказался в тот миг гнева слепого рабом, —
45 Разве прикрикнуть не мог — ведь она уж и так оробела, —
 Без оскорбительных слов, без громогласных угроз?
Разве не мог разорвать ей платье — хоть это и стыдно —
 До середины? А там пояс сдержал бы мой пыл.
Я же дошел до того, что схватил надо лбом ее пряди

- 50 И на прелестных щеках метки оставил ногтей!
Остолбенела она, в изумленном лице ни кровинки,
Белого стала белей камня с Паросской гряды.
Я увидал, как она обессилела, как трепетала, —
Так волоса тополей в ветреных струях дрожат,
55 Или же тонкий тростник, колеблемый легким Зефиром,
Или же рябь на воде, если проносится Нот.
Дольше терпеть не могла, и ручьем полились ее слезы —
Так из-под снега течет струйка весенней воды.
В эту минуту себя и почувствовал я виноватым,
60 Горькие слезы ее — это была моя кровь.
Трижды к ногам ее пасть я хотел, молить о прощенье, —
Трижды руки мои прочь оттолкнула она.
Не сомневайся, поверь: отмстив, облегчишь свою муку;
Мне, не колеблясь, в лицо впейся ногтями, молю!
65 Глаз моих не щади и волос не щади, заклинаю, —
Женским слабым рукам гнев свою помощь подаст.
Или, чтоб знаки стереть злодеяний моих, поскорее
В прежний порядок, молю, волосы вновь уложи!

IX

- Всякий влюбленный — солдат, и есть у Амура свой лагерь.
В этом мне, Аттик, поверь: каждый влюбленный —
солдат.
Возраст, способный к войне, подходящ и для дела Венеры.
Жалок дряхлый боец, жалок влюбленный старик.
5 Тех же требует лет полководец в войне сильным
И молодая краса в друге на ложе любви.
Оба и стражу несут, и спят на земле по-солдатски:
Этот у милых дверей, тот у палатки вождя.
Воин в дороге весь век, — а стоит любимой уехать,
10 Вслед до пределов земли смелый любовник пойдет.
Встречные горы, вдвойне от дождей полноводные реки
Он перейдет, по пути сколько истопчет снегов!
Морем придется ли плыть, — не станет ссылаться на бури
И не подумает он лучшей погоды желать.
15 Кто же стал бы терпеть, коль он не солдат, не любовник,

- Стужу ночную и снег вместе с дождем проливным?
Этому надо идти во вражеский стан на разведку;
Тот не спускает с врага, то есть с соперника, глаз.
Тот города осаждают, а этот — порог у жестокой
- 20 Должен, — кто ломится в дверь, кто в крепостные
врата.
Часто на спящих врагов напасть врасплох удавалось,
Вооруженной рукой рать безоружных сразить, —
Пало свирепое так ополчение Реса-фракийца,
Бросить хозяина вам, пленные кони, пришлось!
- 25 Так и дремота мужей помогает любовникам ловким:
Враг засыпает — они смело кидаются в бой.
Всех сторожей миновать, избегнуть дозорных отрядов —
Это забота бойцов, бедных любовников труд.
Марс и Венера равно ненадежны: встает побежденный,
- 30 Падает тот, про кого ты и подумать не мог.
Пусть же никто не твердит, что любовь — одно лишь
безделье:
Изобретательный ум нужен для дела любви.
Страстью великий Ахилл к увиденной горит Брисеиде, —
Пользуйтесь, Трои сыны! Рушьте аргивскую мощь!
- 35 Гектор в бой уходил из объятий своей Андромахи,
И покрывала ему голову шлемом жена.
Перед Кассандрой, с ее волосами безумной менады,
Остолбенел, говорят, вождь величайший Атрид.
Также изведал и Марс искусно сплетенные сети, —
- 40 У олимпийцев то был самый любимый рассказ...
Отроду был я ленив, к досугу беспечному склонен,
Душу расслабили мне дрема и отдых в тени.
Но полюбил я, и вот — встряхнулся, и сердца тревога
Мне приказала служить в воинском стане любви.
- 45 Бодр, как видишь, я стал, веду ночные сраженья.
Если не хочешь ты стать праздным ленивцем, — люби!

Х

Той, увезенною вдаль от Эвроты на судне фригийском,
Ставшей причиной войны двух ее славных мужей;

- Ледой, с которой любовь, белоснежным скрыт опереньем,
Хитрый любовник познал, в птичьем обличье слетев;
5 И Амимонной, в сухих бродившей полях Арголиды,
С урной, на темени ей пук придавившей волос, —
Вот кем считал я тебя; и орла и быка опасался —
Всех, в кого обратить смог Громовержца Амур...
Страх мой теперь миновал, душа исцелилась всецело,
10 Это лицо красотой мне уже глаз не пленит.
Спросишь, с чего изменился я так? Ты — требуешь платы!
Вот и причина: с тех пор ты разонравилась мне.
Искренней зная тебя, я любил твою душу и тело, —
Ныне лукавый обман прелесть испортил твою.
15 И малолетен и наг Купидон: невинен младенец,
Нет одеяний на нем, — весь перед всеми открыт.
Платой прикажете вы оскорблять Венерина сына?
Нет и помыслы у него, чтобы деньгу завязать.
Ведь ни Венера сама, ни Эрот воевать не способны, —
20 Им ли плату взимать, миролюбивым богам?
Шлюха готова с любым спознаться за сходные деньги,
Тело неволит она ради злосчастных богатств.
Все ж ненавистна и ей хозяина жадного воля —
Что вы творите добром, по принуждению творит.
25 Лучше в пример для себя неразумных возьмите животных.
Стыдно, что нравы у них выше, чем нравы людей.
Платы не ждет ни корова с быка, ни с коня кобылица,
И не за плату берет ярку влюбленный баран.
Рада лишь женщина взять боевую с мужчины добычу,
30 За ночь платят лишь ей, можно ее лишь купить.
Торг ведет достоянием двоих, для обоих желанным, —
Вознаграждение ж она все забирает себе.
Значит, любовь, что обоим мила, от обоих исходит,
Может один продавать, должен другой покупать?
35 И почему же восторг, мужчине и женщине общий,
Стал бы в убыток ему, в обогащение ей?
Плох свидетель, коль он, подкупленный, клятву нарушит;
Плохо, когда у судьи ларчик бывает открыт;
Стыдно в суде защищать бедняка оплаченной речью;
40 Гнусно, когда трибунал свой набивает кошель.

- Гнусно наследство отца умножать доходом постельным,
Торг своей красотой ради корысти вести.
То, что без платы дано, благодарность по праву заслужит;
Если ж продажна постель, не́ за что благодарить.
- 45 Тот, кто купил, не связан ничем; закончена сделка —
И удаляется гость, он у тебя не в долгу.
Плату за ночь назначать берегитесь, прелестные жены!
Нечистоплотный доход впрок никому не пойдет.
Много ли жрице святой помогли запястья сабинян,
- 50 Если тяжелым щитом голову сплющили ей?
Острою сталью пронзил его породившее лоно
Сын — ожерелье виной было злодейства его.
Впрочем, не стыдно ничуть подарков просить у богатых:
Средства найдутся у них просьбу исполнить твою.
- 55 Что ж не срывать виноград, висящий на лозах обильных?
Можно плоды собирать с тучной феаков земли.
Если же беден твой друг, оцени его верность, заботы, —
Он госпоже отдаст все достоянье свое.
А славословить в стихах похвалы достойных красавиц —
- 60 Дело мое: захочу — славу доставлю любой.
Ткани истлеют одежд, самоцветы и золото сгинут, —
Но до скончанья веков славу даруют стихи.
Сам я не скуп, не терплю, ненавижу, коль требуют платы;
Просишь — тебе откажу, брось домогаться — и дам.

ХІІІ

- Из океана встает, престарелого мужа покинув,
Светловолосая; мчит день на росистой оси.
Что ты, Аврора, спешишь? Постой! О, пусть ежегодно
Птицы вступают в бои, славя Мемнонову тень!
- 5 Мне хорошо в этот час лежать в объятиях милой,
Если всем телом она крепко прижмется ко мне.
Сладостен сон и глубок, прохладен воздух и влажен,
Горлышком гибким звеня, птица приветствует свет.
Ты нежеланна мужам, нежеланна и девам... Помедли!
- 10 Росные вожжи свои алой рукой натяни!
До появления зари следить за созвездьями легче

- Кормчему, и наугад он не блуждает в волнах.
Только взойдешь — и путник встает, отдохнуть
не успевший,
Воин привычной рукой тотчас берется за меч.
- 15 Первой ты видишь в полях земледельца с двузубой
мотыгой,
Первой зовешь под ярмо неторопливых быков.
Мальчикам спать не даешь, к наставникам их отправляешь,
Чтобы жестоко они били детей по рукам.
В зданье суда ты ведешь того, кто порукою связан, —
- 20 Много там можно беды словом единым нажать.
Ты неужодна судье, неужодна и стряпчему тоже, —
Встать им с постели велишь, вновь разбираться в делах.
Ты же, когда отдохнуть хозяйки могли б от работы,
Руку-искусницу вновь к прерванной пряже зовешь.
- 25 Не перечислить всего... Но чтоб девушки рано вставали,
Стерпит лишь тот, у кого, видимо, девушки нет.
О, как я часто желал, чтоб ночь тебе не сдавалась,
Чтоб не бежали, смутясь, звезды пред ликом твоим!
О, как я часто желал, чтоб ось тебе ветром сломало
- 30 Или свалился бы конь, в тучу густую попал.
Что ты спешишь? Не ревнуй! Коль сын твой рожден
чернокожим,
Это твоя лишь вина: сердце черно у тебя.
Или оно никогда не пылало любовью к Кефалу?
Думаешь, мир не узнал про похождения твои?
- 35 Я бы хотел, чтоб Тифон про тебя рассказал без утайки, —
На небесах ни одной не было басни срамней!
Ты от супруга бежишь, — охладел он за долгие годы.
Как колесницу твою возненавидел старик!
Если б какого-нибудь ты сейчас обнимала Кефала,
- 40 Крикнула б ночи коням: «Стойте, сдержите свой бег!»
Мне же за то ли страдать, что муж твой увял долголетний?
Разве советовал я мужем назвать старика?
Вспомни, как юноши сон лелеяла долго Селена,
А ведь она красотой не уступала тебе.
- 45 Сам родитель богов, чтоб видеть пореже Аврору,
Слил две ночи в одну, тем угождая себе...

Но перестал я ворчать: она услышала как будто, —
Вдруг покраснела... Но день все-таки позже не встал...

XIV

Сколько я раз говорил: «Перестань ты волосы красить!»

Вот и не стало волос, нечего красить теперь.

А захоти — ничего не нашлось бы на свете прелестней!

До низу бедер твоих пышно спускались они.

5 Право, так были тонки, что причесывать их ты боялась, —

Только китайцы одни ткани подобные ткут.

Тонкою лапкой паук где-нибудь под ветхою балкой

Нитку такую ведет, занят проворным трудом.

Не был волос твоих цвет золотым, но не был и черным, —

10 Был он меж тем и другим, тем и другим отливал:

Точно такой по долинам сырым в нагориях Иды

Цвет у кедровых стволов, если кору ободрать.

Были послушны, — прибавь, — на сотни извивов

способны,

Боли тебе никогда не причиняли они.

15 Не обрывались они от шпилек и зубьев гребенки,

Девушка их убирать, не опасаясь, могла...

Часто служанка при мне наряжала ее, и ни разу,

Выхватив шпильку, она рук не колола рабе.

Утром, бывало, лежит на своей пурпурной постели

20 Навзничь, — а волосы ей не убирали еще.

Как же была хороша, — с фракийской вакханкою схожа,

Что отдохнуть прилегла на луговой мураве...

Были так мягки они и легкому пуху подобны, —

Сколько, однако, пришлось разных им вытерпеть мук!

25 Как поддавались они терпеливо огню и железу,

Чтобы округлым затем лучше свиваться жгутом!

Громко вопил я: «Клянусь, эти волосы жечь —

преступление!

Сами ложатся они, сжался над их красотой!

Что за насилие! Сгорать таким волосам не пристало:

30 Сами научат, куда следует шпильки вставлять!..»

Нет уже дивных волос, ты их погубила, а, право,

- Им позавидовать мог сам Аполлон или Вакх.
С ними сравнил бы я те, что у моря нагая Диона
Мокрою держит рукой, — так ее любят писать.
- 35 Что ж о былых волосах теперь ты, глупая, плачешь?
Зеркало в скорби зачем ты отодвинуть спешишь?
Да, неохотно в него ты глядишься теперь по привычке, —
Чтоб любоваться собой, надо о прошлом забыть!
Не навредила ведь им наговорным соперница зельем,
- 40 Их в гемонийской струе злая не мыла карга;
Горя причиной была не болезнь (пронеси ее мимо!),
Не поубавил волос зависти злой язычок;
Видишь теперь и сама, что убытку себе натворила,
Голову ты облила смесью из ядов сама!
- 45 Волосы пленных тебе прислать из Германии могут,
Будет тебя украшать дар покоренных племен.
Если прической твоей zalюбуется кто, покраснеешь,
Скажешь: «Любуются мной из-за красоты покупной!»
Хвалят какую-нибудь во мне германку-сигамбру, —
- 50 А ведь, бывало, себе слышала я похвалы!..»
Горе мне! Плачет она, удержаться не может; рукою,
Вижу, прикрыла лицо, щеки пылают огнем.
Прежних остатки волос у нее на коленях, ей тяжело, —
Горе мое! Не колен были достойны они...
- 55 Но ободрись, улыбнись: злополучье твое поправимо,
Скоро себе возвратишь прелесть природных волос!

XV

- Зависть! Зачем упрекаешь меня, что молодость трачу,
Что, сочиняя стихи, праздности я предаюсь?
Я, мол, не то что отцы, не хочу в свои лучшие годы
В войске служить, не ищу пыльных наград боевых.
- 5 Мне ли законов твердить многословье, на неблагодарном
Форуме, стыд позабыв, речи свои продавать?
Эти не вечны дела, а я себе славы желаю
Непреходящей, чтоб мир песни мои повторял.
Жив меонийский певец, пока возвышается Ида,
- 10 Быстрый покуда волну к морю стремится Симоент.

- Жив и аскреец, пока виноград наливается соком,
И подрезают кривым колос Церерин серпом.
Будет весь мир прославлять постоянно Баттова сына, —
Не дарованьем своим, так мастерством он велик.
- 15 Так же не будет вовек износа котурну Софокла.
На небе солнце с луной? Значит, не умер Арат.
Раб покуда лукав, бессердечен отец, непотребна
Сводня, а дева любви ласкова, — жив и Менандр.
Акций, чей мужествен стих, и Энний, еще неискусный,
- 20 Славны, и их имена время не сможет стереть.
Могут ли люди забыть Варрона и первое судно
Или как вождь Эсонид плыл за руном золотым?
Также людьми позабыт возвышенный будет Лукреций,
Только когда и сама сгинет однажды Земля.
- 25 Титир, земные плоды и Энеевы брани, — читатель
Будет их помнить, доколь в мире главенствует Рим.
Факел покуда и лук Купидоновым будут оружием,
Будут, ученый Тибулл, строки твердиться твои.
Будет известен и Галл в восточных и западных странах, —
- 30 Вместе же с Галлом своим и Ликорида его.
Так: меж тем, как скала или зуб терпеливого плуга
Гибнут с течением лет, — смерти не знают стихи.
Пусть же уступят стихам и цари, и все их триумфы,
Пусть уступит им Таг в золотоносных берегах!
- 35 Манит пусть низкое чернь! А мне Аполлон белокурый
Пусть наливает полней чашу кастальской струей!
Голову лишь бы венчать боящимся холода миртом,
Лишь бы почаще меня пылкий любовник читал!
Зависть жадна до живых. Умрем — и она присмирееет.
- 40 Каждый в меру заслуг будет по смерти почтен.
Так, и сгорев на костре погребальном, навек я останусь
Жить — сохранна моя будет немалая часть.

КНИГА ВТОРАЯ

I

- Я и это писал, уроженец края пелигнов,
Тот же Овидий, певец жизни беспутной своей.
Был то Амура приказ. Уходите, строгие жены, —
Нет, не для ваших ушей нежные эти стихи.
- 5 Пусть читает меня, женихом восхищаясь, невеста
Или невинный юнец, раньше не знавший любви.
Из молодежи любой, как я, уязвленный стрелой,
Пусть узнаёт в стихах собственной страсти черты
И, в изумленье придя, «Как он мог догадаться, —
воскликнет, —
- 10 Этот искусник-поэт — и рассказать обо мне?»
Помню, отважился я прославлять небесные брани,
Гигеса с сотнею рук — да и, пожалуй, бы смог! —
Петь, как отмстила Земля и как, на Олимп
взгроможденный,
Вместе с Оссой крутой рухнул тогда Пелион.
- 15 Тучи в руках я держал и перун Юпитера грозный, —
Смело свои небеса мог бы он им отстоять!..
Что же? Любимая дверь заперла... И забыл я перуны,
Сам Юпитер исчез мигом из мыслей моих.
О Громовержец, прости! Не смогли мне помочь
твои стрелы:
- 20 Дверь запертая была молний сильнее твоих.
Взял я оружие свое: элегии легкие, шутки;
Тронули строгую дверь нежные речи мои.
Могут стихи низвести луну кровавую с неба,
Солнца белых коней могут назад повернуть.

- 25 Змеи под властью стихов ядовитое жало теряют,
Воды по воле стихов снова к истокам текут.
Перед стихом растворяется дверь, и замок уступает,
Если он накрепко вбит даже в дубовый косяк.
Что мне за польза была быстроногого славить Ахилла?
- 30 Много ли могут мне дать тот или этот Атрид,
Муж, одинаковый срок проведенный в боях и в скитаньях,
Или влекомый в пыли Гектор, плачевный герой?
Нет! А красавица та, чью прелесть юную славлю,
Ныне приходит ко мне, чтобы певца наградить.
- 35 Хватит с меня награды такой! Прощайте, герои
С именем громким! Не мне милостей ваших искать.
Лишь бы, красавицы, вы благосклонно слух преклонили
К песням, подсказанным мне богом румяным любви.

IV

- Я никогда б не посмел защищать развращенные нравы,
Ради пороков своих лживым оружием бряцать.
Я признаюсь — коли нам признание проступков
на пользу, —
Все я безумства готов, все свои вины раскрыть.
- 5 Я ненавижу порок... но сам ненавистного жажду.
Ах, как нести тяжело то, что желал бы свалить!
Нет, себя побороть ни сил не хватает, ни воли...
Так и кидает меня, словно корабль на волнах!..
Определенного нет, что любовь бы мою возбуждало,
- 10 Поводов сотни — и вот я постоянно влюблен!
Стоит глаза опустить какой-нибудь женщине скромно, —
Я уже весь запылал, видя стыдливость ее.
Если другая смела, так, значит, она не простушка, —
Будет, наверно, резва в мягкой постели она.
- 15 Встретится ль строгая мне, наподобье суровых сабинок, —
Думаю: хочет любви, только скрывает — горда!
Коль образованна ты, так нравишься мне воспитаньем;
Не учена ничему — так простотою мила.
И Каллимаха стихи для иной пред моими топорны, —
- 20 Нравятся, значит, мои, — нравятся мне и она.

- Та же и песни мои, и меня, стихотворца, порочит, —
Хоть и порочит, хочу ей запрокинуть бедро.
Эта походкой пленит, а эта пряма, неподвижна, —
Гибкою станет она, ласку мужскую познав.
- 25 Сладко иная поет, и льется легко ее голос, —
Хочется мне поцелуй и у певицы сорвать.
Эта умелым перстом пробегает по жалобным струнам, —
Можно ли не полюбить этих искуснейших рук?
Эта в движенье пленит, разводит размеренно руки,
- 30 Мягко умеет и в такт юное тело сгибать.
Что обо мне говорить — я пылаю от всякой причины, —
Тут Ипполита возьми: станет Приапом и он.
Ты меня ростом пленишь: героиням древним подобна, —
Длинная, можешь собой целое ложе занять.
- 35 Эта желанна мне тем, что мала: прельстительны обе.
Рослая, низкая — все будят желанья мои.
Эта не прибрана? Что ж, нарядившись, прекраснее станет.
Та разодета: вполне может себя показать.
Белая нравится мне, золотистая нравится кожа;
- 40 Смуглой Венерой и той я увлекаюсь подчас.
Темных ли пряди кудрей к белоснежной шее прильнули:
Славою Леды была черных волос красота.
Светлы они? — но шафраном кудрей Аврора прельщает...
В мифах всегда для меня нужный найдется пример.
- 45 Юный я возраст ценю, но тронут и более зрелым:
Эта красою милей, та подкупает умом...
Словом, какую ни взять из женщин, хвалимых в столице,
Все привлекают меня, всех я добиться хочу!

VI

- Днесь попугай-говорун, с Востока, из Индии родом,
Умер... Идите толпой, птицы, его хоронить.
В грудь, благочестья полны, пернатые, крыльями бейте,
Щечки царапайте в кровь твердым кривым коготком!
- 5 Перья взьерошьте свои; как волосы, в горе их рвите;
Сами пойте взамен траурной длинной трубы.
Что, Филомела, пенять на злодейство фракийца-тирана?

- Много уж лет утекло, жалобе смолкнуть пора.
Лучше горюй и стенай о кончине столь редкостной птицы!
- 10 Пусть глубоко ты скорбишь, — это давнишняя скорбь.
Все вы, которым дано по струям воздушным носиться,
Плачьте! — и первая ты, горlinka: друг он тебе.
Рядом вы прожили жизнь в неизменном взаимном
согласье,
- Ваша осталась по гроб долгая верность крепка.
- 15 Чем молодой был фокидец Пилад для аргосца Ореста,
Тем же была, попугай, горlinka в жизни твоей.
Что твоя верность, увy? Что редкая перьев окраска,
Голос, который умел всяческий звук перенять?
То, что, едва подарен, ты моей госпоже полюбился?
- 20 Слава пернатых, и ты все-таки мертвый лежишь...
Перьями крыльев затмить ты хрупкие мог изумруды,
Клюва пунцового цвет желтый шафран оттенял.
Не было птицы нигде, чтобы голосу так подражала,
Как ты, слова говоря, славно картавить умел!
- 25 Завистью сгублен ты был — ты ссор затевать не пытался.
Был от природы болтлив, мир безмятежный любил...
Вот перепелки — не то; постоянно друг с другом дерутся, —
И потому, может быть, долог бывает их век.
Сыт ты бывал пустяком. Порой из любви к разговорам,
- 30 Хоть изобилен был корм, не успевал поклевать.
Был тебе пищей орех или мак, погружающий в дрему,
Жажду привык утолять ты ключевой водой.
Ястреб прожорливый жив, и кругами высоко парящий
Коршун, и галка жива, что накликает дожди;
- 35 Да и ворона, чей вид нестерпим щитоносной Минерве, —
Может она, говорят, девять столетий прожить.
А попугай-говорун погиб, человеческой речи
Отображение, дар крайних пределов земли.
Жадные руки судьбы наилучшее часто уносят,
- 40 Худшее в мире всегда полностью жизнь проживет.
Видел презренный Терсит погребальный костер
Филакийца;
Пеплом стал Гектор-герой — братья остались в живых...
Что вспоминать, как богов за тебя умоляла хозяйка
В страхе? Неистовый Нот в море моления унес...

- 45 День седьмой наступил, за собой не привел он восьмого, —
Прялка пуста, и сучить нечего Парке твоей.
Но не застыли слова в коченеющей птичьей гортани,
Он, уже чувствуя смерть, молвил: «Коринна, прости!..»
Под Елисейским холмом есть падубов темная роща;
50 Вечно на влажной земле там зелена мурава.
Там добродетельных птиц — хоть верить и трудно! —
обитель;
Птицам зловещим туда вход, говорят, запрещен.
Чистые лебеди там на широких пасутся просторах,
Феникс, в мире один, там же, бессмертный, живет;
55 Там распускает свой хвост и пышная птица Юноны;
Страстный целуется там голубь с голубкой своей.
Принятый в общество их, попугай в тех рощах приютных
Всех добродетельных птиц речью пленяет своей...
А над костями его — небольшой бугорок, по росту,
60 С маленьким камнем; на нем вырезан маленький стих:
«Сколь был я дорог моей госпоже — по надгробию видно.
Речью владел я людской, что недоступно для птиц».

VII

- Значит, я буду всегда виноват в преступлениях новых?
Ради защиты вступать мне надоело в бои.
Стоит мне вверх поглядеть в беломраморном нашем театре,
В женской толпе ты всегда к ревности повод найдешь.
5 Кинет ли взор на меня неповинная женщина молча,
Ты уж готова прочесть тайные знаки в лице.
Женщину я похвалю — ты волосы рвешь мне ногтями;
Стану хулить, говоришь: я заметаю следы...
Ежели свеж я на вид, так, значит, к тебе равнодушен;
10 Если не свеж, — так зачах, значит, томясь по другой...
Право, уж хочется мне доподлинно быть виноватым:
Кару нетрудно стерпеть, если ее заслужил.
Ты же винишь меня зря, напраслине всяческой веришь, —
Этим свой собственный гнев ты же лишаешь цены.
15 Ты погляди на осла, страдальца ушастого вспомни:
Сколько его ни лупи, — он ведь резвей не идет...

Вновь преступленье: с твоей мастерицей по части
причесок,

- Да, с Кипассидою мы ложе, мол, смяли твое!
Боги бессмертные! Как? Совершить пожелаю я измену,
20 Мне ли подругу искать низкую, крови простой?
Кто ж из свободных мужчин захочет сближенья с рабыней?
Кто пожелает обнять тело, знававшее плеть?
Кстати, добавь, что она убирает с редким искусством
Волосы и потому стала тебе дорога.
25 Верной служанки твоей ужель домогаться я буду?
Лишь донесет на меня, да и откажет притом...
Нет, Венерой клянусь и крылатого мальчика луком:
В чем обвиняешь меня, в том я невинен, — клянусь!

VIII

- Ты, что способна создать хоть тысячу разных причесок;
Ты, Кипассида, кому только богинь убирать;
Ты, что отнюдь не простой оказалась в любовных забавах;
Ты, что мила госпоже, мне же и вдвое мила, —
5 Кто же Коринне донес о тайной близости нашей?
Как разузнала она, с кем, Кипассида, ты спишь?
Я ль невзначай покраснел?.. Сорвалось ли случайное слово
С губ, и невольно язык скрытую выдал любовь?..
Не утверждал ли я сам, и при этом твердил постоянно,
10 Что со служанкой грешить — значит лишиться ума?
Впрочем... к рабыне пылал, к Брисеиде, и сам фессалиец;
Вожь микенский любил Фебову жрицу — рабу...
Я же не столь знаменит, как Ахилл или Тантала отпрыск, —
Мне ли стыдиться того, что не смущало царей?
15 В миг, когда госпожа на тебя взглянула сердито,
Я увидел: у тебя краской лицо залилось.
Вспомни, как горячо, с каким я присутствием духа
Клялся Венерой самой, чтоб разуверить ее!
Сердцем, богиня, я чист, мои вероломные клятвы
20 Влажному ветру вели в дали морские умчать...
Ты же меня наградить изволь за такую услугу:
Нынче, смуглянка, со мной ложе ты вновь раздели!

Неблагодарная! Как? Головою качаешь? Боишься?
Служишь ты сразу двоим, — лучше служи одному.
25 Если же, глупая, мне ты откажешь, я все ей открою,
Сам в преступленье своем перед судьей повинюсь;
Все, Кипассида, скажу: и где и как часто встречались;
Все госпоже передам: сколько любились и как...

IX

Ты, Купидон, никогда, как видно, гнев не насытишь,
Мальчик беспечный, приют в сердце нашедший моем!
Что обижаешь меня? Знамен твоих я ни разу
Не покидал, а меж тем ранен я в стане своем!
5 Что ж ты огнем опаляешь друзей и пронзаешь стрелами?
Право же, бóльшая честь в битве врагов побеждать...
Тот гемонийский герой, пронзив копьем своим друга,
Не оказал ли ему тотчас врачебных услуг?
Ловчий преследует дичь, но только поймает, обычно
10 Зверя бросает, а сам к новой добыче спешит.
Мы, твой покорный народ, от тебя получаем удары,
А непокорных врагов лук твой ленивый щадит...
Стрелы к чему притуплять об кожу да кости? Любовью
В кожу да кости, увы, я уж давно превращен.
15 Мало ль мужчин живет без любви и мало ли женщин?
Лучше ты их побеждай — славный заслужишь триумф.
Рим, когда бы на мир огромных полчищ не двинул,
Так и остался б селом с рядом соломенных крыш...
Воин, когда он устал, получает участок земельный.
20 В старости конь скаковой праздно пасется в лугах.
В длинных доках стоят корабли, приведенные с моря,
И гладиатора меч на деревянный сменен.
Значит, и мне, служаке в строю у любви и у женщин,
Дать увольнение пора, чтоб беззаботно пожить.

IXa

Если «Живи без любви!» мне бог какой-нибудь скажет,
О, я взмолюсь: до того женщина — сладкое зло.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ. <i>Перевод С. Шервинского</i>	5
ГЕРОИДЫ. <i>Перевод С. Ошера</i>	51
НАУКА ЛЮБВИ. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	131
ЛЕКАРСТВО ОТ ЛЮБВИ. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	201
Комментарии. <i>М. Гаспаров, С. Ошер</i>	227

Овидий

О 31 Наука любви / Овидий ; пер. с лат. М. Гаспарова, С. Ошерова, С. Шервинского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 256 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-08848-1

Поэма «Наука любви» великого римского поэта Публия Овидия Назона — одно из самых ярких произведений латинской любовной лирики, оказавшее несомненное влияние на всю последующую европейскую литературу. В ней Овидий утверждает любовь как непреходящую ценность, как общую для двоих радость, наслаждение человеку и упрочение обществу. Впервые в литературе у Овидия является любовь-взаимопонимание, которая может быть долгой и счастливой. В настоящее издание также включены другие произведения Овидия, затрагивающие любовную тематику: «Любовные элегии», «Лекарство от любви» и «Героиды». Издание снабжено подробным комментарием.

УДК 821.14'02

ББК 84.3(0)3

Литературно-художественное издание

ОВИДИЙ
НАУКА ЛЮБВИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Ксения Казак, Ирина Сологуб
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.07.2017.

Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 11,28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-AKB-16860-02-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/